
Этническая идентификация русских, или искушение национализмом

О.Д. ВОЛКОГОНОВА, И.В. ТАТАРЕНКО

Статья представляет собой попытку осмысления процесса этнической идентификации и его особенностей в современной России (на примере русского этноса). В неустойчивой ситуации «переходного общества» этническая принадлежность является способом вновь ощутить себя частью некоего социального целого, найти психологическую поддержку в традиции. В связи с этим не случайным представляется повышенное внимание к этнической идентификации и выдвигается тезис, что включение себя в тот или иной этнос зависит от принятия индивидом мифологических по своей природе посылок и оснований.

«Я знаю, что где-то глубоко внутри меня, в потаенных закутках моей души и сердца идет незаметный, ни на секунду не прерываемый труд: все, что дает мне мир, искажается на испанский лад. Я знаю, что свобода ума и чувств, которой я вроде бы обладаю, ... лишь видимость. Дротик, летящий к цели, конечно же, полагает, что движется по своему усмотрению и сам наметил себе цель. Однако кинула его чья-то рука... Таков и я - ...дротик, брошенный древней рукой моего народа».

Х. Ортега-и-Гассет

В современных западных исследованиях термин «транснационализм» занял прочные позиции в описаниях мировых тенденций развития. Деньги, труд, образы и стили жизни, информация и идеи не знают сегодня границ. Вместе с тем тенденции глобализации отнюдь не означают кризиса национальной государственности, они не отменяют устойчивости местной неформальной экономики, этнического национализма и культурного «почвенничества» в самых разных видах («grassroots activism»). Более того, национальные и этнические проблемы являются одними из наиболее острых и болезненных в современном мире. Это явление

(получившее в литературе название «этнического парадокса») стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации. В конце XX в. человечество столкнулось с проблемой актуализации *различий* - не только национальных, но и культурных, тендерных, расовых, религиозных. Несмотря на мощные интегративные тенденции, универсализм не вытесняет партикуляризма, а лишь дополняет его. Таким образом, для современного человечества особую значимость приобрела проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным (а не просто нейтральным) отношением к различиям (в том числе, этническим).

Неприятие «транснационализма» (и, как следствие, оживление национализма) проявляется сильнее всего в сознании отставших в своем развитии народов: «врастание» в глобальную техногенную цивилизацию воспринимается ими как экономическая и культурная экспансия более развитых соседей, навязывание чуждого образа жизни. Нечто подобное происходит и в сегодняшней России. Ломка существовавшей ранее привычной системы ценностей и непростое складывание новой привели к появлению характерного чувства незащищенности у огромного количества людей. Если в периоды стабильности социальная система ограждает и отчасти защищает человека относительно статичными, устойчивыми нормами, правилами, законами и т. п., что делает его жизнь предсказуемой и прогнозируемой, то в переходные исторические эпохи ситуация коренным образом меняется: потеряв былые точки опоры, человек ищет и нуждается в новых. Четко разграниченная ранее жизнь в социуме теряет свою определенность, и человек встает перед проблемой выбора новых ориентиров. В этом смысле переходные общества - это всегда «открытые» общества, для которых принципиально не характерна замкнутость, господство какой-то одной системы ценностей, «проговоренность до конца».

С одной стороны, это означает разрушение рамок, привычного «канона» жизни, интенсивный поиск новых ориентиров бытия, творение новой культуры. С другой, обывательской точки зрения, - «не дай Бог жить во время перемен», когда нет единого господствующего стереотипа восприятия и поведения, нет готовых ответов на вопросы о смысле человеческого существования. Переходные эпохи открывают человеку горизонты свободы более, чем все остальные, но, согласно известному афоризму Бердяева, «свобода аристократична», она не всем по плечу. Поэтому наряду с открытостью, интенсивностью культурной жизни, поисками новых решений в переходные периоды так возрастает тяга к конформизму, желание вновь обрести устойчивую социальную идентичность и связанный с нею психологический комфорт. (В конечном счете, «социальная драма» и завершается реинтеграцией и восстановлением «закрытости» - в значении этого термина у А. Бергсона - во многом благодаря этим тенденциям в массовом сознании.)

Этнический национализм

Согласно современной теории аффилиации, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе. Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества семейная и этническая принадлежность (восприятие себя членом «семьи» - маленькой или большой) становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего цело-

Этническая идентификация русских...

го, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда - повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, «охранение» и обособление своей национальной мифологии, культуры, истории.

Личность ощущает себя репрезентантом этнической группы в результате процедуры идентификации, то есть определения критериев и границ общности. Само введение термина «идентификация» («identity») в связи с работами В. Тернера (V. Turner) и Э. Эриксона (E. Erikson) по теории идентичности придало новое звучание исследованиям по национальному самосознанию и проблемам этничности. В русле этих работ (особенно поздних книг Тернера) период «социальной драмы» стал рассматриваться не только как время потерь, кризиса и разрушившихся социальных связей, но и как процесс выделения различного вида общностей, артикулированных с помощью ритуалов, табу, церемоний, «карнавала», проинтерпретированной в определенном ключе истории и т. п. В конечном счете, осознание переходности того или иного исторического времени пробуждает рефлексивные тенденции в сознании личности и общества, что проявляется и в повышенном внимании к этнической идентификации.

Индивид идентифицирует себя не только с этнической общностью, поэтому этничность может иногда находиться и на периферии личностной мотивации. На значимость этнической принадлежности влияют не только объективная социальная реальность («переходность» общества, этнические конфликты, миграции и т. п.), но и ряд субъективных факторов - уровень образования индивида, например. Значение этнической идентификации *ситуативно*. Как правило, этническое сознание групп и индивида не актуализировано при условиях стабильных этнических отношений или в моноэтнической среде. Фактором, увеличивающим возможность этнических конфликтов и, соответственно, повышающим роль этнической идентификации, являются миграции. Еще одной закономерностью является тот факт, что чувство этничности обычно выше у недоминирующих общностей. В советское и даже в постсоветское время самосознание русского населения на территории России не являлось и не является значительным фактором общественной жизни индивида. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты широко используемого «теста Куна» (когда респонденты несколько раз отвечают на один и тот же вопрос: «Кто я?»), проведенного в России. Упоминание о «русскости» в местах, где русские доминировали, встречалось нечасто [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, с. 165]. Но ситуация менялась в иноэтничном окружении - в Казахстане, например.

Тем не менее, даже в центральной части России этнические признаки играют все большую роль в жизни русского населения. Если в 1986 г. по данным социологических опросов 78 % русских признали себя «советскими» и только 15 % - русскими, то уже через 10 лет ситуация сильно изменилась: лишь 45 % русских не придавали значения своей национальности*. Можно назвать по меньшей мере три причины подобного повышения роли этничности: во-первых, затянувшийся переход к другому типу социальной организации (реакцией на который является обращение к традиционности и устойчивости), во-вторых, сепаратистские про-

---

* См.: <http://ddfan.boom.ry/lib/rusnats.html>

цессы в Российской Федерации (когда многие агрессивные националистические движения винят за ошибки в национальной политике не власть, а русских, делая из них «оккупантов», «нахлебников» и т. д.) и, в-третьих, направленное идеологическое воздействие.

Чрезвычайно важным представляется именно третий фактор: этническое единение возникает не только стихийно (из сходного жизненного опыта, общности «крови» и «почвы»), но и формируется целенаправленно. Даже не разделяя крайних точек зрения о том, что этнос целиком и полностью «конструируется» элитой [Anderson], необходимо признать: вера в некие естественные связи между членами этнической общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса (о которой рядовой член общности может иногда иметь весьма смутное представление), единой культуры (хотя при господстве массовой культуры этнодифференцирующий аспект культура имеет, главным образом, лишь для интеллигенции), религии (хотя речь идет в большинстве случаев о мировых религиях, и православный алеут не менее православен, чем православный русский) и т. д.

В случае с русским этносом национальная идентичность используется как инструмент для политической «мобилизации» самыми разными силами: от попыток адаптировать «русскую идею» к государственной идеологии до версий консервативно-националистических течений (от сталинистов до православных монархистов). Нормальная идентичность замещается гиперпозитивной (этноцентричной, этнодоминирующей или даже фанатичной)*, этнос консолидируется через самоутверждение и проповедь исключительности. По сути, национальная идентификация становится своеобразным следствием «национальной агитации», когда интеллектуалы не ограничиваются теоретическими штудиями, а пытаются активно формировать национальное самосознание. Идеологи находят в этнической идентификации тот ритуал, который выражает солидарность больших анонимных общностей и является катализатором социальной активности.

Действенность идеологий, «замешанных» на национально-этническом чувстве, не вызывает сомнений. Отсюда - попытки использовать национализм в «смеси» с коммунизмом, фашизмом, монархизмом, клерикализмом, демократией и даже либерализмом. Насколько можно «приручить» национализм? В конечном счете, чрезмерная ориентация на этничность закономерно приводит к ущемлению прав личности, ведь рано или поздно встает вопрос: приоритет личности (независимо от ее этнической идентификации) или приоритет общности?

Холистский национализм, в отличие от либерализма, имеет высокие шансы на популярность в переходном обществе: он представляется борьбой порядка против хаоса. Этот порядок осознанно вносится в жизнь людьми, объединенными надличной сакральной целью (возрождением русской нации, например). Такая надличная цель обеспечивает не только единение человека с другими людьми, но и придает смысл его индивидуальному существованию. Кризис государственности, разрушение привычных ниш бытия, развал СССР, изменение образа жизни - все это значительно увеличило число людей, выброшенных из нормальной,

---

* В литературе по этнологии принято выделять несколько типов этнической идентичности: нормальную, этноцентристскую, этнодоминирующую, этнофанатичную, индифферентную (этнонегативизм), нигилистическую, амбивалентную («сдвоенную»). [Солдатова, с. 70-71].

Этническая идентификация русских...

монотонной колеи жизни, разбудило их ото сна. Но, проснувшись, люди ищут ответа на «последние вопросы» - вопросы о смысле своего существования. Они легко получают ответ на эти вопросы у идеологий с авторитарной и тоталитарной окраской, когда личность приносится в жертву целому. Коммунизм, фашизм, национализм - могут дать такой смысл жизни миллионам своих последователей. Поэтому вполне рациональная и прагматическая установка идеологов на использование национальных чувств для достижения тех или иных политических целей может разбудить абсолютно иррациональную и непредсказуемую стихию национализма, тем более опасного у доминирующей нации (как это обстоит в России с русскими).

В целом, для русских свойственна толерантность в национальных вопросах. В исследовании 1995 г. Фонда «Общественное мнение» русским (по паспортным данным) респондентам предложили определить «русскость» [Клямкин, Лапкин, 1995; 1996]. Признаки указывались самые различные: «имеет русскую внешность» (23 % опрошенных), «имеет обоих русских родителей» (25 %), «имеет одного русского родителя» (52 %), «живет в России» (33 %), «придерживается православной веры» (46 %), «имеет российское гражданство» (57 %), «говорит на русском языке» (81 %), «любит русскую культуру, обычаи, традиции» (87 %) и т. д. Таким образом, большинство респондентов судило о принадлежности к русской нации не «по анализу крови», а пользовалось гораздо более гибкими критериями, что говорит о незначительной роли этнонационализма в сознании русских. Вместе с тем, около половины опрошенных готовы были признать этнический принцип устройства государства: 23 % русских респондентов «безусловно согласны» и 24 % «скорее согласны», что «надо стремиться к созданию государства, в котором русские официально признаются главной нацией» (имелось в виду, что национальность определяется по паспортным данным). 34 % считают, что Россия «должна стремиться к присоединению соседних территорий бывших союзных республик, населенных преимущественно русскими». Таким образом, налицо некоторая противоречивость во взглядах на свою нацию, ее характер, роль в обществе и т. п. Как эта неопределенность будет преодолена, в какую сторону качнется маятник поведения масс зависит, прежде всего, от направленного идеологического воздействия. М. Хоркхаймер и Т. Адорно в одной из своих статей остроумно заметили, что «сегодня индивиды получают свои политические платформы уже готовыми от властей точно так же, как потребители - свои автомобили от торговых филиалов фабрик-производителей» [Хоркхаймер, Адорно, с. 170]. Если исходить из признания истины в этом высказывании, то попытки использовать иррациональную стихию национализма могут привести к созданию устойчивого и влиятельного националистического движения, что чрезвычайно опасно в многонациональной России.

Рассмотрение нации как высшей ценности и ориентация на «сильную власть» роднит работы таких современных идеологов «русской идеи» как А. Проханов, А. Дугин и др. с установками «новой правой» во Франции, например, или Германии - ничто не ново под луной. Но если, скажем, во Франции популярность «новой правой» невелика и она проповедует «этноплюрализм» (с большим или меньшим успехом пытаясь избежать ксенофобии), то в России, к сожалению, ситуация несколько иная: у русских националистов есть реальные шансы получить поддержку власти и стать ее идеологами. Кроме того, «этноплюрализм» присущ только крайне умеренным русским националистам, если же обратиться к ра-

дикалам, то типичной может быть позиция «Русского Национального Единства»: «Объединяйтесь на основе Русской идеологии и Православия! Не допускайте в свои общины людей, чуждых по крови и духу!... Оказывайте доверие и поддержку только людям одной с вами крови и убеждений!»*, - можно прочесть на интернетовском сайте организации. Причем, как практическое развитие подобных лозунгов, там же можно найти советы о том, что русские врачи должны лечить русских людей, русские педагоги заботиться об образовании именно русских школьников и т. д.

Многие факты современной жизни говорят о том, что в России предпринимаются попытки сделать национализм политическим проектом. Идеализация «великой страны», концентрация на тенденциозно истолкованных образах прошлого и будущего рассматриваются как средство для решения политических и экономических задач. По сути, национализм становится своеобразной оболочкой для различных идеологических конструкций, способствующей их адаптации к массовому сознанию. И здесь речь может идти не только о Национал-большевистской партии Э. Лимонова или «Русском Национальном Единстве» А. Баркашова, но и о более уважаемых «Отечестве», КППФ или «Единстве»**. Единогласного лидера общенационального масштаба русская национал-протестная среда пока не выдвинула, что делает ее «ресурсом» как для радикалов разных окрасок, так и для «центристов» и «партии власти».

В принципе, радикальный русский национализм характерен сегодня только для маргинальных групп и партий. Зато его умеренная версия в последние несколько лет стала «хорошим тоном» в политике, что особенно заметно при обсуждении таких болезненных вопросов, как миграция населения, реституция культурных ценностей, сокращение армии, положение 25 миллионов этнических русских в странах ближнего зарубежья, автономия Крыма и др. Националистическая идеология во взглядах российского политического истеблишмента чрезвычайно редко проявляется как прямая проповедь превосходства русских, зато она неявно присутствует в антизападничестве (и наиболее частом его проявлении сегодня - антиамериканизме), элементах антисемитизма, «кавказофобии» и т. д. На этих вопросах смыкаются крайне правые и коммунисты, эти темы становятся предметом популистских заигрываний с населением, что является симптомом того, что весь спектр российской политики сдвигается в сторону национализма, а у националистических идеологов есть неплохие шансы влиять на принятие властных решений.

Этническая идентификация: правила игры

Спецификой того русского национализма, который пытаются использовать в политических целях и который проповедают отечественные «национал-патриоты», является его опора на этничность (что можно воспринимать как некую иронию, учитывая отмеченную выше достаточно высокую толерантность русских к этнонационализму). Если воспользоваться классификацией типов национализма,

---

* СПб отделение РНЕ. 2001г. <http://www.me.org/vord/menews/princip.shtml>.

** Некоторые политические иллюстрации можно найти в справочном издании: [Верховский, Прибыловский].

Этническая идентификация русских...

предложенной американской исследовательницей Л. Гринфелд (L. Greenfield), то русский национализм будет, преимущественно, относиться к коллективистскому этническому типу*. Поэтому условием его формирования является этническая (национальная) идентификация индивида.

Предлагаем выделить три основные фазы процесса национальной идентификации:

1. *Фаза этнодифференциации.* На этой фазе происходит осознание особенностей своей общности, отличий «мы» от «они». Речь идет об определении этнонима (самоназвания), мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии).
2. *Фаза выработки авто- и гетеростереотипов.* В рамках данной фазы складываются представления о национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности, для описания чего обычно используется термин «модальная личность», либо понятие «этноиндивидуальности».
3. *Фаза формулирования национального идеала.* Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих, поскольку включает в себя не только оценку своего этноса, но и представление о его социально-исторических задачах, предназначении, а также о господствующих в нем ценностных ориентациях. Основной функцией национальных идеалов является интеграция общности, остальные же функции (коммуникативная, компенсаторная, аксиологическая, прогностическая, адаптационная и др.) носят вспомогательный характер. Попробуем охарактеризовать выделенные фазы более детально.

Фаза этнодифференциации. Одним из наиболее очевидных признаков существования этнической общности является этноним. Выработка этнонима явно показывает осознанное выделение этнической группы из числа других. Казалось бы, название - вещь второстепенная, но не в данном случае: этническая идентификация возможна лишь при наличии этнонима, так как индивид не может идентифицировать себя с общностью, если она сама еще не конституировалась, не выделилась из числа других общностей. В данном случае, дискуссия об употреблении понятий «российский» и «русский» (применительно к культуре, государственности, традициям и т. п.) свидетельствует о различных позициях в определении своей общности - по критерию гражданства либо этничности, что, в свою очередь, отражает два реальных исторических процесса: становление гражданской нации в России (начиная со второй половины XIX в. и вплоть до 1917 г.) и конструирование этно-нации на базе существующих или воображаемых этнических различий советской властью (чему особенно способствовала практика создания федеральных субъектов по этническому признаку, обязательная паспортная регистрация своей национальности «по крови» и т. п.). Выработка этнонима подразумевает и определение других факторов, обособляющих этническую группу: территории, общности происхождения, культуры, экономики и т. д. Основную

---

* Используя два критерия - определение нации и условия членства в ней - Л. Гринфелд выделяет индивидуалистский национализм (когда нация рассматривается как суверенная общность равноправных индивидов) и коллективистский национализм (нация - коллективный «индивид», чьи интересы имеют первенство над интересами индивидов, ее составляющих), который, в свою очередь, подразделяется на гражданский и этнический в зависимости от критериев членства в общности [Green/eld].

роль в этнодифференциации играет *язык*. Он выступает одним из важнейших объективных факторов как складывания этноса, так и его дальнейшего развития. Любопытно, что язык не только является средством этнической коммуникации, не только формирует особое языковое сознание общности, но и во многом определяет коллективное бессознательное.

Показательны в этом смысле исследования филологов с использованием ассоциативных «прямых» и «обратных» словарей. Ассоциативные тезаурусы являются результатами статистической обработки массовых исследований, когда испытуемые носители языка фиксируют свободные ассоциации, возникающие у них в сознании по поводу того или иного слова-стимула. Обратные же словари показывают «поле» понятий уже от «реакции к стимулу», выявляя тем самым круг наиболее существенных и богатых значениями понятий для типичного носителя языка. В результате, ассоциативное поле того или иного слова-стимула помогает воссоздать определенный фрагмент мирозерцания этноса, а сравнительный анализ количества ассоциаций, вызываемых различными словами, делает возможным выделение «ядра» современного языка - наиболее значимых понятий в нем.

Интересной иллюстрацией этой исследовательской программы является анализ современного английского языка, проделанный А.А. Залевской [*Залевская*]. Оказалось, что в английском языке можно выделить около 75 слов («ядро лексикона»), для которых характерно большое число ассоциативных связей, значительно превышающее среднее для других вербальных единиц. Например, слово «те» было вызвано в сознании «среднего» носителя языка 1 087 стимулами, «тап» - появилось как реакция на 1 071 стимул, «good» - стало ответом на 881 стимул, затем шли «sex» (847), «no» (805), «money» (750) и т. д. Позднее этот же подход был применен Н.В. Уфимцевой к анализу ассоциативного тезауруса современного русского языка [*Уфимцева* 1995; 1996]. Ядро языкового сознания для носителя русского языка оказалось принципиально иным: «человек» (773), «дом» (593), «нет» (560), «хорошо» (513), «жизнь» (494), «плохо» (465) и т. д. Если для носителя английского языка в центре - связи с его индивидуальным «я», а представление о «человеке вообще» стоит лишь на втором месте, то для русскоговорящего индивида - «я» стоит лишь на 36 месте (!), центральным же является понятие «человек». Причем трактовка даже этого «человека вообще» резко различается у носителей двух языков: для русского «человек» ассоциируется с прилагательными - «хороший» (22), «добрый» (20), «разумный» (17), «умный» (15); это человек «дела» (8) и «слова» (5), но очень редко - «долга» (2) и «чести» (1). Это слово вызывает ассоциации со «зверем» (13), «животным» (12), «обезьяной» (10), но это и «друг» (10). Человек практически не воспринимается русскими как «гражданин» (4) и «личность» (4). Кроме того, «человек» - это «мужчина» (4) больше, чем «женщина» (1) [*Уфимцева* 1996, с. 147-148].

Это является косвенным доказательством недостаточной представленности ценностей индивидуализма в сознании русских людей. Разумеется, речь идет о некотором «усредненном» сознании, так как словари оперируют ассоциациями «среднестатистического» человека, без учета стратификации общества. Видимо, словари, составленные в результате исследований ассоциативных полей представителей образованной элиты и рядовых членов русской языковой общности, отличались бы друг от друга. Тем не менее, если признавать различие культур (в самом широком смысле слова) по господствующим системам ценностей: индивиду-

Этническая идентификация русских...

ализм - коллективизм (в зависимости от того, ставится на первое место индивидуальный самоконтроль или обязательство общественной солидарности), то вывод из анализа «ядра лексикона» ясен. Не только прошлую, но и настоящую российскую культуру можно отнести к коллективистскому типу, что имеет одно важное для современного российского общества следствие: Россия по-прежнему живет в условиях преимущественно внешней, а не внутренней детерминации поведения индивида. Более того, такая внешняя зависимость является, пользуясь термином Ю. Хабермаса, условием intersubjectивного взаимопонимания: члену определенного общественного организма дозволяются не все действия, рациональные с точки зрения достижения успеха, но только те, которые считаются ценностно значимыми с точки зрения других. Традиция приказного, административного управления в России подкрепляется исторически привычным ограничением свободы человека, суверенность личности в русском национальном сознании воспринимается как нечто второстепенное и не очень важное. Следствием подобной исторической «привычки» является отсутствие у многих членов российского общества навыков обоснования своего выбора, принятия осознанного решения, достаточно низкий уровень политической культуры.

Показательным является и сравнение понятий «деньги» (связано с 367 словами-стимулами в русском сознании, занимает 9-е место в ядре лексикона) и «money» (соответственно 750 и 6-е место для англичан). В этом пункте сравнение ассоциативных полей, на наш взгляд, позволяет сделать обоснованный вывод об абсолютной «неэкономичности» мышления «среднестатистического» русского человека. Десятилетнее вхождение российского общества в рыночную экономику, конечно, вносит определенные коррективы в этот факт, но язык инерционен, требуется большее время для закрепления этих изменений в ассоциативных связях. Пока же неэкономическое (или внеэкономическое?) мышление русских проявляется вполне отчетливо: «в сознании русских деньги прежде всего *большие* (41), *бешеные* (14), *шалые* (2)... **Деньги** - это зло (9), грязь (4), грязные (4), дрянь (3), мусор (2)... **Деньги** нужны (11), не пахнут (8). Из 537 слов-реакций на стимул **деньги** только 9 связаны с понятием "работа": *заработанные* (2), *работа* (2),... *зарплата* (1), *трудовые* (1)... Если мы обратимся к данным Обратных словарей..., то увидим, что наиболее типичное действие, совершаемое русскими с *деньгами*, - это **тратить** (259), затем **платить** (142), **получать** (109), **получить** (54), **отобрать** (51), **делать** (27), **брать** (22), **отнять** (20), **требовать** (17), **менять** (22). Интересно отметить..., что в качестве реакции на слово **вор** *деньги* встречаются 5 раз, а на слово **рабочий** только один раз» [Уфимцева, 1996, с. 149].

Совсем иначе обстоит дело с деньгами в сознании англичан. Согласно прямому словарю, «деньги» ассоциируются у англичан с «мешками», «наличными», «золотом», «богатством». Обратный же словарь показывает, что деньги чаще всего связаны в сознании с кошельком (71)', копилкой (51), банком (34). Деньги воспринимаются как финансы (61), пособие (52), сбережение (41), расходы (39), счета (38), взятка (37), плата (36), вознаграждение (36), зарплата (32) и т. д. Разумеется, носители английского языка деньги тоже тратят (53), но они их и зарабатывают (49), инвестируют (49), возвращают (47), вкладывают (45), дают (44), откладывают и экономят (24). Отличия в восприятии разительны! Речь идет о совершенно различных стилях мышления, о другом общественно-экономическом мирозерцании. Подобные отличия помогают лучше понять реальные процессы, происходящие в российском обществе, так как язык не только является средством

этнодифференциации и коммуникации этнической общности, он является контекстом психики и вмещает неких архетипов восприятия мира членами данной общности.

Уже на этом этапе этнической идентификации можно вести речь о стереотипизации (и символизации) восприятия окружающей действительности членами общности. Выделение своего этноса из ряда других всегда сопровождается выработкой определенных вербальных и невербальных стереотипов: установление общих этнонима, территории, языка, прошлого, будущих задач и т. д. приводит к восприятию индивидов себя как части целого. Отсюда - свойственная целому (общности) символика принимается как обязательная для индивида. Простейшие примеры: цвета одежды (цвет траура у русских - черный, у китайцев - красный), нормы речевого этикета (если для русского рассказ о приключившихся неприятностях является вполне допустимым ответом на дежурный вопрос «как дела?», то у американца он вызовет удивление), доминантные вербальные раздражители (о чем уже говорилось в связи с ядром лексикона), украшения, жесты, мимика и др.

Фаза выработки авто- и гетеростереотипов. В конечном счете, этнодифференциация приводит как к осознанию психологических особенностей своего этноса, так и особенностей других этнических общностей. Образ «мы» фиксируется в системе *автостереотипов*, образы других этносов - в *гетеростереотипах*. Речь идет о непроизвольной и часто не осознаваемой представителем общности психологической установке в восприятии себя и других. Этот уровень этнической идентификации связан с формированием относительно устойчивых представлений и оценок, типичных для этнической группы поведенческих, коммуникативных, эмоциональных стилей. Стереотипы связаны между собой; они образуют *самоорганизующуюся систему*, которая аккумулирует некий стандартизированный коллективный опыт и является неотъемлемым элементом обыденного сознания.

Э. Дюркгейм писал о двух сознаниях внутри каждого из нас: одно содержит уникальные состояния, присущие лично индивиду, а другое - состояния, присущие всей группе, членом которой он является. Разумеется, это рассуждение применимо и к этнической общности. Тема «национального характера», столь популярная в начале XX в., сегодня вновь звучит в многочисленных исследованиях и публикациях, причем не только отечественных [*Касьянова; Хотинец; Inkeles*]. Современные исследования обычно рассматривают национальный характер как составную часть психического склада нации (и шире - этноса), включающего в себя и другие этнопсихологические особенности (настроения, чувства, интересы, аттитюды и т. п.) [*Хотинец*, с. 90-92]. Национальный характер часто раскрывают, используя понятие «модальной личности» (P. Linton, A. Inkeles, D. Levinson и др.), то есть личности, наиболее часто встречающейся в данной культуре, обладающей сравнительно прочно сохраняющимися качествами и чертами, которые типичны для взрослых членов общности.

Стереотип национального характера - это схема и, как любая схема, она ущербна. В «Письмах русского путешественника» Н. Карамзин называл французов - «легкомысленными», итальянцев - «коварными», а англичан - «угрюмыми» [*Карамзин*, с. 479]. Некоторые современные авторы выделяют такие черты русского (российского?) характера как сервильность [Российская модернизация, с. 9], потребность ощущать зависимость от чего-либо («a need of dependence»)

Этническая идентификация русских...

в сочетании с зависимостью от власти, авторитета («relation to authority») [Inkeles, p. 139-150], рабскую ментальность («Russian slave mentality», «slave soul of Russia», «Russian masochism») [Rancour-Laferriere, p. 7, 8, 42], терпение («терпение - это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера» [Касьянова, с. 109]), мечтательность («dreaminess») [Zvighyanich, p. 32—33] и т. д. Все это - примеры национальных стереотипов, с каждым можно поспорить или согласиться. Если стереотип принимается, - он становится психологической установкой, своеобразными «правилами игры», которые определяют межнациональное общение. По сути, речь идет о мифологизации сознания с помощью стереотипов: человек «кодируется» с помощью стереотипных образов, причем эффективность такой «закодированности» практически не зависит от того, насколько эти образы соответствуют действительности. «Кодирование» стереотипами гораздо более действенно по отношению к сознанию масс, чем к сознанию элиты, в силу их большей конформности и более низкой способности к критике.

Разумеется, стереотипное восприятие этноса возможно как «снаружи» (гетеростереотипы), так и «изнутри» (автостереотипы). В контексте данной статьи нас в большей степени интересуют именно автостереотипы, то есть представления русских о самих себе. Автостереотипы практически всегда позитивно окрашены (в случае нормальной и позитивной этнической идентичности) и могут служить характерной иллюстрацией явления, которое Л. Гумилев назвал «внутриэтнической комплиментарностью» - симпатией к членам своей этнической общности. Тем не менее, динамика автостереотипов может дать достаточный материал для размышлений о процессах, происходящих с этносом. Нами было проведено анкетирование студентов МГУ, во время которого респодентам было предложено выбрать из списка личностных характеристик те, что кажутся им наиболее типичными для представителей различных этнических групп*. Любопытно, что даже при сравнении наших чрезвычайно ограниченных данных с подобными же исследованиями, проводившимися в прошлом, прослеживается некая тенденция: если стереотип «советского человека» (к сожалению, мы не смогли найти исследованный автостереотипов русских «доперестроечного» времени) включал в себя такие качества, как трудолюбие, добросовестность, стремление к успеху, честность и др., то образ современного русского человека видится несколько иным: чаще всего ему приписываются такие качества, как доброжелательность, дружелюбие, доброта, отзывчивость и т. п. С одной стороны, очевидно, что именно эти качества занимают традиционно высокое место в иерархии ценностей отечественной культуры. С другой, - этнологами замечена закономерность, что группы, потерпевшие поражение в межгрупповом соревновании, характеризуют себя с точки зрения душевности, открытости, добросердечия и т. п. Здесь явно проявилась психологическая реакция на кризис, переживаемый страной: отставание в экономике от промышленно развитых стран стало очевидным, и для реабилитации нации от подозрения во «второсортности» на первый план выдвигаются ценности, которым трудно найти объективное «измерение». Таким образом, анализ автостереотипов подтверждает, что современная ситуация оценивается многими русски-

---

* Речь идет о методике «приписывания качеств», впервые примененной в 1933 г. в США Д.Кацем (D. Katz) и К. Брэйли (K. Braly).

ми как «национальное унижение», что является идеальной средой для формирования агрессивного национализма.

Фаза формулирования национального идеала сводится к выработке объединяющего общность идеала. Идеал - модель будущего, которая призывает к частичному или полному изменению существующего в данное время порядка вещей, «взрывает» этот порядок вещей изнутри (К. Mannheim). При построении идеала вечная оппозиция должного и сущего разрешается в пользу долженствования. Именно с точки зрения долженствования и воспринимается будущее этноса, идет ли речь о культурной автономии, создании самостоятельного государства или выполнении некоего мессианского предназначения. Характерным примером подобного национального идеала может служить «русская идея», содержание которой достаточно сильно эволюционирует со временем и в связи с социальными изменениями. (Если исходить из предположения, что каждый исторический период характеризуется определенным психологическим и духовным состоянием этнических общностей, которые проявляются в различных поведенческих доминантах [Бабаков, Семенов, с. 13], то очевидным станет и динамический характер национального и этнического идеала.)

Самосознание общности можно рассматривать как одну из самых существенных детерминант этноса. Завершающей же, *синтетической стадией этнического самосознания является идеал*. Речь идет о своеобразном переходе от этнической психологии к идеологии, ведь предвидение будущего и выработка идеала имманентно входит в задачи любой идеологической системы. Специфической задачей национальной идеологии является формулировка долгосрочных, «стратегических» целей нации, ее исторических задач и - в соответствии с ними - выдвижение конкретных лозунгов дня.

Особенностью подобного идеологического предвидения является то обстоятельство, что идеал становится предметом *веры*. Если прогнозы в науке преследуют цель теоретического объяснения существующих тенденций, их исследования, то цель идеологического предвидения - не только объяснить, но и воздействовать на мир в том или ином направлении. Для этого необходим «перевод» идеала во внутренний мир человека в качестве духовного регулятора его поведения. Идеология выступает своеобразным инструментом социального ориентирования и прогнозирования для общности, а конструируемая в ее рамках модель развития - исходным пунктом для оценки конкретных социальных явлений. При этом результаты такого предвидения носят характер как поиска, так и норм. Являясь ядром любой идеологии, идеал устанавливает иерархию духовных ценностей и сам выступает как императив нравственного порядка. Таким образом, на этой фазе этнической идентификации можно вести речь о целенаправленном идеологическом воздействии со стороны идеологов нации (этноса), которые и разрабатывают идеальную модель желаемого будущего. Отсюда - проблема ответственности национальной интеллигенции за направленность идеологии в целом и идеала в частности. Сознательная поэтизация этноса и его дифференциация от других чревата не только двойным стандартом в оценке «своих» и «чужих», но и формированием «образа врага», что ведет к росту агрессивности в массовом сознании.

Постсоветская Россия - общество с очень непоследовательной и хаотичной политикой и с не менее запутанным идеологическим обоснованием этой политики. Наверное, единственной более или менее постоянной ее составляющей является включение в ее состав национальных лозунгов. В большей степени это свой-

Этническая идентификация русских...

ственно для «национальных окраин», этнических меньшинств на территории РФ, но усиление национального элемента прослеживается и в идеологическом обосновании государственной политики на федеральном уровне. Разумеется, когда В.В. Путин провозгласил: «Россия будет либо великой, либо ее не будет вообще», вряд ли он имел в виду только *русскую* Россию. Но риторика, используемая президентом, вызвала реакцию «узнавания» у многих русских националистически настроенных групп.

Мифологический характер этнической идентификации

При рассмотрении процесса этнической идентификации можно заметить достаточно интересную закономерность: *основным способом этнической идентификации является выработка и усвоение мифов*, что типично для всех трех выделенных выше фаз. Именно миф может быть рассмотрен как основная форма упорядочивания сложной социальной реальности. А если учесть, что спецификой мифологического мышления является неразличение реального и идеального, то становится очевидным, почему мифологическое восприятие своей этнической общности является ведущим в переходные социальные эпохи: в мифологии оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что является эффективным психологическим стабилизатором сознания. Идентификация происходит в сравнении, в отталкивании от «соседей», в выработке общих стереотипов восприятия, причем именно миф становится основой для интерпретации происходящих социальных событий - будь это миф об общей «крови и почве» или миф о «загадочной русской душе». Г. Гачев использует очень удачное выражение, называя национальный миф «энтилегией нации» [Гачев, с. 123, 129]. Наибольшим интегрирующим воздействием обладает национальный (этнический) идеал, который по своей природе тоже *всегда* мифологичен.

Очевидно, что современное отношение к мифам далеко от рассмотрения их как неких «иллюзий» и «заблуждений». Миф - вечный (пока существует человек) способ упорядочивания реальности, который можно сравнить с кантовскими априорными формами, интегрирующими опыт. Применительно к нашему сюжету, не так уж важно, насколько стереотипы восприятия отражают реальные особенности этносов - действительно ли итальянцы «коварны», а русские «ленивы», гораздо важнее, что, приняв форму мифологем, стереотипы определяют поступки людей. Миф «переводит» отвлеченную информацию на язык действия и лежит в основе мировоззрения (даже если форму мифа принимает научная гипотеза). Результатом усвоения мифа является *понимание* (в отличие от знания, на которое претендует наука). В конечном счете, миф дает определенную картину мира, реальности вне человека, он является коллективным верованием и выступает чрезвычайно успешным механизмом эмоциональной консолидации общности.

На уровне массового сознания рациональное обоснование идеи утрачивает свою актуальность, важнее включенность идеи в миф. Мифы активно используются в политической пропаганде, и благодаря им формируется общественное мнение. Для человека, видящего в этнической общности свою «большую семью», мифы нации играют роль светской религии. Всякая современная политическая идеология строится именно на мифах: в той мере, в какой она стремится включить в себя чисто рациональные моменты, - она, как правило, перестает воспри-

ниматься массами и оказывается неэффективной. Без мифов вообще не удалось бы построить ни одну политическую программу. Опора на миф увеличивает коммуникативность сложного идеологического «текста», способствует его адаптации. Можно согласиться с утверждением В. Полосина, что «основным методом национальной идентификации является обращение общественного сознания на национальный миф» [Полосин, с. 83].

В литературе не раз отмечался тот факт, что с первой трети 20 столетия мифы начинают играть все большую роль в жизни человеческого общества. Этот процесс даже получил название «ремифологизации» (в отличие от «демифологизации», достигшей своего апогея в эпоху просвещения 18 столетия и раннего позитивизма XIX в.). Прежде всего, это связано, разумеется, с прагматической функцией мифа, которая (как показали Э. Дюркгейм и затем Э. Кассирер) состоит в утверждении солидарности. Как мы уже подчеркивали выше, нация не может просто «возникнуть», она должна быть «произведена» посредством разработанной мифологии и идеологии. В этом смысле, этничность - отчасти социальный конструкт, и в еще большей мере это относится к этническому национализму.

В таком контексте представляется вполне оправданным призыв ряда этнологов, социологов, философов (В. Тишкова, Г. Гусейнова и др.) о сознательном переходе к новой доктрине национальной солидарности, связанной с созданием *российской нации* на основе двойной - традиционно-культурной и гражданской - идентичности. Понятие российской нации не будет иметь в этом случае этнического значения (как не имеют такого значения понятия «канадской нации» или «британской нации»). Представляется важным, что общероссийская идентичность - не только проект, но отчасти и реальность: по данным исследования 1993 г. 47,9 % респондентов идентифицировали себя как «гражданина России» и лишь 14,2% - как «представителя своей национальности» [Вестник, с. 10]. Очевидно, что процесс «перевода» национальной идеологии с этнических на гражданские рельсы еще долгое время будет оставаться лишь мечтой.

Практически все попытки создания национальной идеологии в сегодняшней России основываются пока на этническом принципе. Характерно это и для русского этноса. А. Севастьянов, президент и идеолог радикальной «Лиги защиты национального достояния», предлагает, например, такое понимание русской нации: «Русской нацией признается единая совокупность людей, имеющих русскую национальность. Русская национальность подтверждается ее закреплением в документах, удостоверяющих личность. Либо, если лицо является несовершеннолетним, в документах, удостоверяющих личность одного из родителей. Либо на основании заявления лица, владеющего русским языком и имеющего не менее одного документально подтвержденного русского предка во втором колене, о своей национальности, которое совершается в установленном федеральным законом порядке» [Севастьянов]. Подобное определение, основанное чуть ли на анализе крови, Севастьянов включил в свой вариант законопроекта, который предложил рассмотреть в Государственной Думе (!). Невольно вспоминается определение, которое В. Соловьев еще в XIX в. дал подобным взглядам, - «зоологический патриотизм».

Если выделить некоторые наиболее типичные мифологемы, встречающиеся в различных построениях «идеологов-патриотов», то они будут выглядеть следующим образом. Прежде всего, взгляд на историю России через мифологические

Этническая идентификация русских...

очки: в сознание внедряется миф о «Святой Руси», о «народе-богоносце», незакономерном характере русской истории, альтруистическом отношении к нерусским народам, входившим в состав страны, особом предназначении русского народа и т. д. Характерной иллюстрацией такого мифологического отношения к русской истории является позиция Е.С. Троицкого, основателя и вдохновителя «Ассоциации по комплексному изучению русской нации». «Русская цивилизация» (в самом термине видна уверенность автора в абсолютной самобытности России), по его мнению, «это воистину цивилизация невидимого града Китежа», «в ней есть что-то таинственное, загадочное» [Троицкий, с. 4]. Другой профессор, В.К. Егоров, завершает свою книгу о России схожей риторикой: «История России - это не бессмысленное сочетание разносодержательных историй (интересно, историю какого другого народа можно представить таким образом? - О.В.). Надо понять простоту глубинного, а она в том, что народ за разным содержанием искал, ищет ... и в дальнейшем будет искать сокровенный смысл своего существования - правду и справедливость, честь и достоинство, доброту и нравственность, - как он их понимал и понимает; если угодно, искал и ищет Царство Божие на Земле» [Егоров, с. 389]. Мы позволим себе привести еще одну цитату из этой же книги, поскольку ее автор предлагает читателю достаточно типичный «набор» исторических мифов: «Наш народ никогда не ставил во главу угла идею обогащения за счет других народов, даже когда создавал страну-империю. В большинстве случаев, если не во всех, метрополия у нас не доила колонии, окраины,... а чаще была «дойной коровой»... Одновременно нельзя забывать, что еще никогда и никому не удавалось унизить Россию до жизни под чьим-то игом. То, что называется в истории монголо-татарским, заместило на просторах российских Киевскую Русь, а не Московскую, заступило ... отнюдь не на месте великорусского начала» [Егоров, с. 404]. Налицо своеобразная самомистификация и идеализация русской истории, чрезвычайно типичная для русского национализма.

Вторая типичная мифологема включает в себя понимание русской нации как целостности, образуемой «вековыми традициями», «исторической территорией», православием, глубинными факторами крови и почвы. (Еще раз напоминаем, что мифологический характер того или иного утверждения отнюдь не синонимичен его ложности). Об осознании особого единства русских людей можно прочесть, например, в интернетовском выпуске «Русского самосознания»: один из авторов, Б. Адрианов, в своей статье «Русская идея в прошлом и настоящем» определяет «русскость» как «главную доминанту нашего времени». Он уверен, что «каждый русский должен спросить себя: готов ли он на борьбу за своё русское достоинство, за свою русскую честь, образ жизни, культуру, образование» [Адрианов]. То есть, с точки зрения этого автора, этнической «почвой и кровью» определяется образ жизни, нормы и т. п. Не только в радикально-националистическом «Русском самосознании» можно найти подобный подход к русской нации. Известный историк философии А. Гулыга выводит формулу русской культуры из уваровского «православия, самодержавия, народности» [Гулыга, с. 43-69].

В качестве третьей мифологемы выступает утверждение о некоем «русском духе», «душе народа». В том же выпуске «Русского самосознания» другой автор, Ю. Булычев, рассуждает о «народности, нации и национальном духе как первоначалах человеческого существования», о «русском духе, определяющем многовековой путь и культурно-историческое своеобразие России» [Булычев].

Четвертой типичной мифотемой может считаться представление о грозящей нации опасности, о прогрессирующей русофобии как со стороны других народов, населяющих Россию, так и извне. Тот же Ю. Бульчев описывает сегодняшнюю реальность как «роковой момент русской судьбы». П. Морозов говорит о «заговоре против России» и клевете «на русскую историю и культуру, на русское мировоззрение и самосознание, на русские ценности и интересы» со стороны проамериканских сил [Морозов]. И даже «умеренный» А. Гулыга убежденно пишет о русских, что «сегодня мы на краю пропасти» [Гулыга, с. 45]. Источник подобной позиции - аффективная напряженность, вытекающая из социальной нестабильности, когда общие для всего социума проблемы проецируются прежде всего на жизнь своей общности, группы. К.Г. Юнг в этой связи отмечал, что коллективное бессознательное всегда «стремится найти соответствующее «вместилище» - масонов, иезуитов, евреев, капиталистов, большевиков, империалистов и т. п.» [Юнг, с. 33]. Речь идет о психической компенсации коллективной тревоги, которая в лучшем случае осознается как потребность в новых социальных ориентирах, а в худшем - ведет к поискам «врагов».

Еще одна мифотема основана на гиперболизации самобытности русского исторического опыта. Как правило, это присутствует в идеологических построениях как идея об особом («третьем») пути страны, когда рынок и демократия понимаются как зло по определению, а любое заимствование иностранного опыта резко осуждается. Россия рассматривается как место реализации и материализации принципиально новой, не осуществлявшейся ранее исторической модели. О «русском пути» и «цивилизации особого типа» уже несколько лет пишет, например, С. Кургинян. Идею принципиальной разности интересов, ценностей, идеалов России и Западной Европы (и тем более, Америки) отстаивает в своих работах А. Дугин. Антизападничество вообще стало, к сожалению, достаточно популярно в массовом сознании, для русского национализма же оно является обязательной позицией.

Все эти мифологемы (независимо от их укорененности в реальных фактах) являются своеобразной «психологической проекцией», вызванной к жизни резкими переменами в общественной жизни. Похоже, что «национализм становится существенным условием человеческой жизни на современном этапе, даже если он основан всего лишь на воображаемых связях» [Лакер, с. 382]. В подобной ситуации чрезвычайно опасным является отсутствие продуманной концепции государственной национальной политики. Вряд ли России угрожает националистическая диктатура фашистского типа, - достаточно высокая степень этнической толерантности русских, антифашистская «прививка» после второй мировой войны и некоторые другие факторы заставляют усомниться в вероятности такого поворота событий. Тем не менее, эскалация межэтнических конфликтов, экономические трудности и периодическое ухудшение отношений с Западом (например, из-за натовских бомбардировок Югославии) резко повышают влияние этнических факторов на массовое и индивидуальное сознание.

По сути, в сегодняшней России мы имеем дело с явным этническим вызовом, и главной задачей трезвомыслящих политиков и идеологов должно стать предотвращение националистического ответа на этот вызов. Предположение, что мы живем в эпоху «планируемой истории» (термин А. Зиновьева), означает многократно возросшую ответственность политиков, идеологов, имеющих дело с «социальной инженерией». Эмоциональная агитация за «национальное возрож-

Этническая идентификация русских...

дение» и «возвращение к корням», имеющая чисто культурологическое значение в «спокойные» эпохи, во время коренной ломки бытия и затяжного кризиса может привести к политике изоляционизма или - что гораздо опаснее - выпустить из бутылки джина агрессивного национализма. На наш взгляд, это говорит о необходимости «деэтнизации» государственной власти, хотя реальные политические процессы, к сожалению, идут пока в противоположном направлении.

Литература

- Адрианов Б.* Русская идея в прошлом и настоящем // Русское самосознание. 1999. № 6.
<http://russamos.narod.ru/06.htm>
- Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999.
- Бабаков В.Г., Семенов В.М.* Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М., 1996.
- Булычев Ю.* Народность, нация и национальный дух // Русское самосознание. 1999. № 6.
<http://russamos.narod.ru/06.htm>
- Верховский А., Прибыловский В.* Национал-патриотические организации: краткие справки. Документы и тексты. М., 1997.
- Вестник содружеств социологических ассоциаций. 1993. № 2.
- Гачев Г.Д.* Миф. Национальный. Индивидуальный: Опыт экзистенциальной культурологии / Сб. Миф в культуре: человек - не-человек. М., 2000.
- Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М., 1995.
- Егоров В.К.* Многоликая Россия: XX в. М., 1998.
- Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- Карамзин Н.* Письма русского путешественника. М., 1983.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
- Клямкин И.М., Лапкин В.В.* Русский вопрос в России // Политические исследования, 1995. №5.
- Клямкин И.М., Лапкин В.В.* Русский вопрос в России // Политические исследования, 1996. №6.
- Лакер У.* Черная сотня и истоки русского фашизма. Вашингтон: Problems of Eastern Europe, 1994.
- Морозов П.С.* Кому опасен русский национализм?
http://www.olmerl.newmail.ru/78_14.htm
- Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. М., 1999.
- Российская модернизация: проблемы и перспективы. (Материалы «круглого стола»). Выступление *Васильева Л.С.* // Вопросы философии. 1993. № 7.
- Севастьянов А.Н.* О разделенной русской нации и ее праве на воссоединение.
- Солдатова Г.У.* Психологическое исследование этнической идентичности / Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994.
- Троицкий Е.С.* Историко-методологические аспекты изучения русской (православно-славянской) цивилизации / Русская цивилизация и соборность. Сб. Статей. М., 1994.
- Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских / Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995.

О.Д. Волкогонова, И.В. Татаренко

- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания / Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Психоанализ антисемитизма / Психология национальной нетерпимости. Мн., 1998.
- Хотинец В.* Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
- Юнг К.Г.* О современных мифах. М., 1994.
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983.
- Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, 1985.
- Inkeles A.* National Character: A Psycho-Social Perspective. New Brunswick, L., 1997.
- Rancour-Laferriere D.* The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N.Y., L., 1995.
- Zviglyanich V.* The Morphology of Russian Mentality: A Philosophical Inquiry into Conservatism and Pragmatism. Lewinston, Queenston, Lampeter, 1993.